

Бредём во тьме, рассеянное братство,
И забываем вещие страницы.
Само обетование Господне
Нам кажется нелепым детским сном.
Но помнят крылья звёздное пространство,
И нас своими почитают птицы,
И чувствую, как Божие дыханье,
Молочный снег – пылающим лицом!

Этот эпитафия представляется мне ключом к пониманию стихов Олега Чертова.

Судьба распорядилась так, что жизнь его внезапно оборвали на 37-м году, искорёжив земное бытие родных и друзей.

В России часто убивали поэтов. В данном случае поэта убили не на дуэли. Это было убийство в спину, в подъезде собственного дома, когда он шёл на встречу с журналистами. Он многим был неудобен своим нешаблонным мышлением, «чистым разумом», смелостью и неординарностью решений. Однако на всё воля Божья.

Олег был православным, глубоко верующим человеком. Принимал деятельное участие в возрождении Свято-Никольского храма в селе Большекулачье. Был постоянным его прихожанином. Он был милосерден, жизнелюбив и деятелен. Это отразилось во всех сферах его приложения, но сейчас мы будем говорить о нём как о поэте и учёном.

Серьёзной поэтической деятельностью занялся в 1981 году. Впервые его стихотворения были опубликованы в 1990 году в журнале «Грани» (ФРГ), и удостоились высокой оценки. Этой публикации активно способствовал Вольфганг Казак – немецкий славист, литературный критик, создатель «Лексикона русской литературы XX века».

Многие из стихов Олега оказались пророческими. В них он стремился заглянуть за черту бытия. Писал он, чаще всего, во время прогулок и больше всего любил сам процесс творчества. В собственной поэзии для него самого было много неразгаданного. Когда-либо это может послужить объектом отдельного литературоведческого исследования.

Олег родился 20 октября 1958 года в семье инженера и учительницы. Закончил исторический факультет Ленинградского университета. В 1988 году блестяще защитил кандидатскую диссертацию, посвящённую гуманистической философии английского Возрождения.

Владел тремя иностранными языками. Имел значительное количество научных публикаций в стране и за рубежом.

На протяжении всей своей деятельности в исторической науке Олег остро переживал двойственность собственного бытия: с одной стороны, жизнь в России с её политическими коллизиями, с другой – постоянное погружение в литературу средневековья, Возрождения, равно как и в не противоречащую ей русскую философскую мысль XIX – начала XX в.в.

В затерянной в центре материка сибирской равнине занятия северо-ренессансной христианской философией неминуемо воспринимались как чудачество, нелепость.

Однако именно собеседование с высокими умами, вживание в их мыслительную ткань давало способность автору жить, не замутняя для себя главные смысловые вопросы нашего здесь пребывания. Эти же занятия структурировали в нём непосредственное религиозное чувство.

Олег считал, что русская религиозная мысль не заслуживает поучительного тона со стороны Запада, и хотя в цивилизованном мире нас, вероятно, «похоронили» давно, но мы живы. Для него всегда было важным наличие и дальнейшее развитие именно позитивно-теологической литературы.

Ему представлялось, что в нынешний момент «замутненного» и дезориентированного сознания преапокалиптической эпохи, верующая интеллигенция обязана развивать, по мере сил, христианскую мысль, не отвлекаясь на побочные внерелигиозные пути. Иначе всем нам грозит опасное снижение уровня христианской литературы, христианского духа.

Везде Бог, везде небо над головой, земля под ногами. Вот так и мы – живы для каких-либо Господних целей и дел, Ему только и ведомых.